Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г.

Алексей Алексеевич Гиппиус

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой предварительную публикацию четырнадцати берестяных грамот (№ 1122–1135), найденных в Великом Новгороде в археологическом сезоне 2020 г. За исключением № 1135 (сер. XII в.), публикуемые документы относятся к XIV — первой половине XV в. Несмотря на фрагментированность большинства текстов, их содержание удается в общих чертах восстановить. В историческом отношении наиболее ценны № 1122/1123 — черновик завещания, среди фигурантов которого имеются лица, известные из летописи и пергаменных актов, и № 1132 — фрагмент челобитной с упоминанием рати, отправленной в Заволочье. Выделяются написанные одним почерком грамоты № 1128 — официальное заявление об ущербе, причиненном устройством запруды, и № 1130 — сопроводительная записка при посылке осетрины. Не имеет аналогов грамота № 1131, в которой адресную формулу частного письма продолжает глоссолалический текст неясной прагматики. С фонетической точки зрения значимы: написание *выєстка* ⟨*вѣстка*⟩ (№ 1132) — редчайший случай отражения на письме дифтонгического произношения /ě/, написание *ево* (№ 1124) — ранний пример перехода *г* в *в* в окончании Р. ед. м.-ср. местоимений и прилагательных, аллегровая форма *хошь* (№ 1126). Из синтаксических явлений фиксируется новая модель бессоюзного обозначения группы родственников: *на Осташки на єго дѣтехъ* (№ 1122/1123). В области лексики примечательны: ранее не встречавшееся название меры объема *лубъ-пятерикъ* (№ 1122/23), ранний пример экспрессивного диминутива на *-ишко* (№ 1126), книжное наречие *поистинѣ* в контексте делового документа (№ 1128), слово *хребетъ* в значении ‘осетровый балык’ (№ 1130), восстанавливаемое сочетание *сѣрая куна* — параллель к летописной «черной куне» (№ 1133), древнейшая фиксация слова *розметъ* ‘раскладка податей’ (№ 1135).

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН. Автор благодарит руководителей раскопов за предоставление текстов для публикации и стратиграфических данных. Автор также признателен М. А. Бобрик, С. М. Михееву, А. В. Птенцовой, Д. В. Сичинаве и М. Н. Толстой за сотрудничество в исследовании и замечания по тексту статьи.

Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 66–92.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.66-92

Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020

Alexey A. Gippius

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: The article is a preliminary publication of fourteen birchbark letters found in Veliky Novgorod during the archaeological season of 2020. With the exception of No. 1135 (mid-12th century), the published documents date back to the 14th — first half of the 15th century. Despite the fragmented state

of most of the texts, their overall content can be plausibly reconstructed. The most important historically are No. 1122/1123 — a draft of a testament, where a number of characters known from the chronicle and charters can be identified, and No. 1132 — a fragment of a petition mentioning the troops sent to Zavolochye. Also noteworthy are two letters written by the same hand, No. 1128 — an official declaration of damages caused by the construction of a dam, and No. 1130 — a note accompanying a batch of sturgeon. In No. 1131, the address formula of a private letter is continued by a glossolalic text of obscure pragmatics. From a phonetic point of view, the following phenomena are significant: *вьѥстка* ⟨*вѣстка*⟩ (No. 1132) is a rare case of reflecting the diphthongic pronunciation of /ě/ in writing; *ево* (No. 1124) is an early example of the transition from /g/ to /v/ in the Gen. sg. masc.-neut. ending of pronouns and adjectives; the allegro form *хошь* (No. 1126). A new syntactic pattern is discerned where a group of relatives is described by a simple juxtaposition (*на Осташки на єго дѣтехъ* 'Ostashka's [and] his children's [debt]'). In the field of vocabulary, the following features are remarkable: the previously unknown name for the measure of volume *лубъ-пятерикъ* (No. 1122/23), an early example of the expressive diminutive pattern as in *шатришко* (No. 1126), a bookish adverb *поистинѣ* used in a business document (No. 1128), the word *хребетъ* denoting sturgeon balyk (No. 1130), a reconstructed collocation *сѣрая куна* 'grey marten' (No. 1133) — a parallel to the *черная куна* 'black marten' known from *Povest' Vremennykh Let*, and the earliest occurrence of the word *розметъ* 'breakdown of payments'(No. 1135).

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00352) provided to the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The author thanks the leaders of the excavations for providing the texts for publication and stratigraphic data. The author is also grateful to M. A. Bobrik, S. M. Mikheev, A. V. Ptentsova, D. V. Sitchinava and M. N. Tolstaya for their collaboration in the study and comments on the text of the article.

For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020**.** *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 66–92.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.66-92

Археологический сезон 2020 г. в Великом Новгороде, несмотря на неблагоприятные условия, вызванные пандемией, состоялся и принес 14 новых берестяных документов. Грамоты были найдены в ходе охранных археологических раскопок на Софийской стороне, проводившихся экспедицией Института археологии РАН (руководитель П. Г. Гайдуков).

На раскопе Дмитриевский-3 на территории древнего Неревского конца (Софийская набережная, вблизи Театра им. Ф. М. Достоевского, руководитель работ Н. А. Сарафанова) были изучены напластования начала XIV — первой половины XV в. и найдены берестяные грамоты № 1122–1131.

На раскопе Воздвиженский-7 на территории древнего Людина конца (руководитель работ А. А. Исаев) в напластованиях середины XII — второй половины XIV в. обнаружены грамоты № 1132–1135.

Из найденных грамот № 1122 и 1123 являются листами одного документа, а № 1128 и 1130 написаны одним почерком.

Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1122/1123. Раскоп Дмитриевский-3. Документ на двух листах, из которых один, большего размера, сохранился полностью, а второй утратил верхние строки. На листе 1 строки с 5-й по 13-ю написаны с большим отступом и выровнены по началу слова *Ивани* в 4-й строке, перед которым оставлено пустое место. В середине этой строки писец как будто решил изменить пропорции текста, придав ему вертикальную ориентацию, какую имеет и второй, узкий лист документа. В этом можно видеть влияние актовой документации, к которой содержательно относится грамота (ср. ниже комментарий к № 1127).

№ 1122

прокопью · на єсипи на васильєви
сны · полъ четворта рублѧ · на черн^{и}⸗
цини оулици · на илинархи и на єго
брати на ивани на ивлєлихъ
дитєхъ · три рубли
на костьки · на ѻнань⸗
ини двѣ гривни · да
лубъ соли па[т]єрикє
да два полти · на пугв^{и}⸗
ци · на є̈и дѣтєхъ ·
полтина · да коро⸗
бьꙗ ржи · на ѻсташки
на єго дѣтєхъ · полтина
…

№ 1123

…к⸗
(- на м)а[кс]имкови б[ра](т)и
полторы гривны кунъ
на сєсти на м[о]є[и] на ꙩвдо⸗
тьи · полтина (· а) [прик]азы⸗
ваю зѧтю своєму марту⸗
шу · на є̈нини жєни
на мавури · полтори гри⸗
вни полъ трєтьи гри⸗
вны ⁘

Почерк на обоих листах один и тот же. Во 2-й строке в *четворта* перед *в* зачеркнуто *р*. В 3-й строке последнее *и* переправлено из *н*. Описки: *сны* вместо *сн҃ѣ* (под влиянием корневого гласного; титло над словом не просматривается, но могло пропасть в разрыве бересты); пропуск *р* в *сести* (если это не отражение фонетической неустойчивости сочетания *стр* в данном корне, запись которого в берестяных грамотах часто отклоняется от стандартной, ср. *сетра*, *сетроу*, *сьтроу* 531, *сесру* 1102, *сьсричича* 974).

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1410-х гг.

Перед нами заготовка завещания Прокопия — той его части, что содержала перечень должников и сумм, которые с них надлежит получить. Завещатель упомянут в 3-м лице, что находит аналогию в древнейшей русской духовной — завещании Климента (до 1270 г.): *А на поральское серебро наклада възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна* [ГВНП, № 105]. Слово *взѧти* могло читаться в конце несохранившегося первого листа, содержавшего начало документа. Но перечень долгов мог быть оформлен и отдельно, с эллипсисом подразумеваемого глагола. То, что лист начинается с имени завещателя, вряд ли случайно и скорее говорит в пользу второй возможности. В грамоте № 138 (нач. XIV в.) аналогичный перечень долгов составляет все содержание завещания, предваряясь только начальной формулой *Се азо рабо бж҃и Селивьстро напсахъ роукописаниє*.

Все должники названы не просто по именам, но с указаниями их родственных связей, повышающими надежность идентификации (для сравнения — в том же завещании Климента такие указания полностью отсутствуют); в одном случае указан и адрес — Черницына улица. Фраза *а приказываю зѧтю своєму Мартушу* относится, по-видимому, не ко всему вышеперечисленному, а только к долгу сестры (в противном случае пришлось бы предположить, что, написав грамоту, автор вспомнил еще одного должника и добавил про него в конце). Вероятно, Овдотьи уже нет в живых, и сумму, которую

она была должна Прокопию, он завещает зятю (мужу сестры), то есть, по сути, прощает этот долг.

Должниками Прокопия выступают: 1) Есип, сын Василия, 2) Илинарх и Иван, дети Иева с Черницыной улицы, 3) Костка, сын Онании, 4) Пугвица с детьми, 5) Осташка с детьми, 6) [неизвестный], брат Максимка, 7) Овдотья, сестра завещателя, 8) Макура, жена Ены. Как показывает Г. Е. Дубровин в еще не опубликованной статье [Дубровин и др. (в печати)], некоторые лица из этого списка могут быть тождественны фигурам, известным по летописи и актовым источникам. Названный первым Есип, сын Василия, — по-видимому, не кто иной, как Есиф Васильевич Носов, боярин и воевода, сын и внук посадников Василия Есифовича Носа и Есифа Захарьинича Носа, связанных с Плотницким концом и Прусской улицей. Есиф, упоминаемый в летописи с 1435 г., погиб в 1456 г. в бою под Старой Руссой. Костка Онаньин, судя по сочетанию имени и отчества, может быть сыном тысяцкого Ананьи Константиновича, известного источникам с 1398 по 1413–14 гг. С другой стороны, анализ персоналий грамоты позволяет предполагать связь Прокопия с Двинской землей. В этом отношении особый интерес представляет «зять Мартуш». Как заметил Д. В. Сичинава, из новгородских источников был до сих пор известен только один носитель этого имени: Василий, Мартушов сын, и Петр Мартушов упоминаются в трех купчих грамотах середины XV в. [ГВНП, № 159, 160, 175], происходящих из окрестностей Холмогор. Развивая это наблюдение, Г. Е. Дубровин предположил, что отцом Илинарха и Ивана с Черницыной улицы, определенных в грамоте как «Иевли дети», мог быть двинской посадник Иев Тимофеевич, фигурирующий в новгородском акте первой четверти XV в. [ГВНП, № 92]. На этом фоне и сам Прокопий может быть отождествлен с двинским владычным наместником Прокопием Филипповичем, известным по печати при грамоте [ГВНП, № 180]. В двинской антропонимический контекст грамоты вписываются и такие персонажи пергаменных грамот, как *Пугва* и *Григорий Пугвин* [ГВНП, № 234, 276].

Графика документа стандартная. *Ѣ* последовательно заменен на *и* во флексиях, но сохранен в двух из трех написаний словоформы *дѣтехъ*. В морфологии — смешение наддиалектных и диалектных окончаний: *лубъ*, *полторы гривны*, *полъ третьи гривны* vs. *па*[*т*]*ерике*, *полтори гривни* ⟨*полторѣ гривнѣ*⟩.

Слово *па*[*т*]*ерике* в 8-й строке — явно И. ед. *пятерике,* с необозначением мягкости губного либо отражением его отвердения, ср. *бес пати* 758 (2 пол. XIII в.). Перед нами ранее не встречавшееся обозначение емкости — «луб-пятерик». Как мера объема соли *лубъ* упоминается в Ст. Р. 2 (1 пол. XV в.). В берестяных грамотах встречается и более мелкая соляная мера — *розмѣра*. В Ст. Р. 49 (кон. XIII в.), представляющей собой роспись натуральных выплат, пять размер фигурируют как норма выплаты, см. [Гиппиус 2019: 66–67]. Можно думать, что луб-пятерик, вмещавший пять размер соли, как раз и был физическим выражением этого стандарта[1].

В синтаксическом отношении интересны бессоюзные сочетания *на Пугв*^{и}*ци на єи дѣтехъ*, *на Осташки* | *на єго дѣтехъ*. В принципе, поскольку в обоих случаях слово перед ожидаемым союзом заканчивается на *и*, здесь можно предполагать и чисто графическое стяжение двух одинаковых гласных (ср. похожий эффект в № 1124), однако маловероятно, чтобы такое стяжение произошло на границе строк (во втором примере). Союз был первоначально пропущен и в сочетании *на Илинархи и на єго брати на Ивани*: начав писать предлог, писец затем переделал *н* в *и* (возможно, ввиду бóльшей синтаксической сложности контекста).

Бессоюзное соединение однородных членов, называющих группу тесно связанных между собой лиц, А. А. Зализняк отмечает в контекстах, где лица, образующие такую группу, обладают одинаковым статусом (являясь, например, братьями) и названы

[1] О *лубе* как специфически новгородской соляной мере и *размере* как его делении см. также [Лебединская 2013: 41–43].

одинаковым образом (обычно по имени). Так, в № 663 (2 пол. XII в.) «фигурируют *Милоке, ѹенеге, Бѹдиша ... Коростокине* (три брата, дети Коростки) и *Невиде, Касиѧ*(*не*) *Сморочьва* (два брата, дети Сморча). Братья (в каждом из двух семейств) выступают как некоторое единство: в грамоте указаны суммы подати, которые они заплатили совместно» [ДНД: 191]. В нашем случае эти условия не соблюдаются, основанием для неупотребления сочинительного союза служит, по-видимому, само восприятие названных лиц как единого хозяйственного субъекта. В корпусе берестяных грамот такое сочетание можно предполагать также в № 348 (XIII в.): *У Ѧрыша 2 цетверети*, *у Надеѧ цетвьрте*, *у Хоцу у сына его цетверте*. Хотя этот контекст можно понять и в том смысле, что Хоч является сыном Надея, присутствие здесь же другого бессоюзного сочетания — *у Илее, у Тудора 4 цетверти* — делает более вероятным перевод: ‘у Хоча и у его сына’. Ср. бессоюзное сочетание в именительном падеже в сохранившейся фрагментарно грамоте № 72 (2 пол. XIII в.): *…Иванко сыно Демьѧнко*. Эта запись напоминает формуляр писцовых книг конца XV в., где подобные сочетания также оформляются бессоюзно, см., например: *дв. Одрѣико Конановъ, сынъ его Филка, дв. Ивашко Якушовъ, сынъ его Дениско* [НПК, V: 157] (в более позднее время такие конструкции включают союз *да*).

Обнаруженное явление позволяет лучше понять сложное место в грамоте № 496 (2 четв. XV в.), представляющей собой запись показаний свидетеля грабежа: *Оударивсѧ розбоємъ на Михаилиц҃нъ дворъ*, *на с҃на єво на Ива*(*н*)[*ка*] *д*[*во*]*ръно*^{в}. Перевод фразы в [ДНД: 682] ‘Напали разбоем на Михайлицын двор, на Михайлицына сына Иванка-дворника’ предполагает, что одна и та же последовательность *дворъ* в одном случае является названием двора, а в другом — частью слова *дворныи*, при том что употребление последнего в значении ‘дворовый служитель’ источниками не засвидетельствовано. Удивляет и предполагаемое исполнение обязанностей «дворника» сыном владельца двора. Теперь же мы можем понять этот текст иначе, трактовав последовательность *дворъно*^{в} как два слова — *дворъ но*^{в} ‘новый двор’ и переведя фразу: ‘Напали разбоем на двор Михалицы и на новый двор его сына Иванка’ [2].

Илинархъ — известная форма имени *Иринархъ* с дистантной диссимиляцией *р* … *р* > *л* … *р*. Необычный вид притяжательного от *Иевъ* — *Ивлелихъ* — объясняется, вероятно, исправлением: начатое *Ивлихъ* (< *Иевлихъ*) писец решил переделать в *Иелихъ* (с диалектным переходом [вл’] > [л’]), но забыл зачеркнуть *вл*. Прозвище *Пугвица* (ср. уже указанные параллели в двинских грамотах: *Пугва*, *Пугвинъ*) демонстрирует закономерную утрату редуцированного в деривате древнего **pǫgy*, *-ъve*. *Мартушь* — редкая гипокористика от *Мартынъ* (*Мартинъ*). Ее можно было бы произвести и от *Мартурий* (*Мартирий*), но это имя на Руси было исключительно монашеским. Примечательный персонаж — *Енина жена Макура*. Поссесив *Енинъ* (ср. тождественную современную фамилию) указывает на исходное *Еня* или *Ена.* С каким полным именем соотносится эта сокращенная форма, точно определить невозможно. Это могут быть как христианские имена — *Геннадий* (вариант *Енадей* встречается в источниках XV–XVI вв.), *Евгений* (ср. *Енюша* как семейное именование Базарова в «Отцах и детях» И. С. Тургенева), *Иона* (в этом случае за начальным *Е*- стоит [jo]), так и прозвище *Емля* (с новгородским диалектным переходом [вл’] > [н’], ср. у Даля нарицательное *емля* ‘росты, лихва, промысел ростовщика’, а также топоним *Емлино* [СРНГ, 8: 537–538]. Недостатком первой версии является то, что указанные имена в рассматриваемую эпоху известны на Руси только как монашеские.

Мавура — вариант имени *Мавра* (из *Маура*, с протетическим *в*); ср.: *Ориница з детми, Мавурица з детми* [НКРЯ, Духовная Марии Петелиной, 1440–1450].

[2] Предлагаемое чтение обладает еще двумя преимуществами: 1) устраняется случай неповторения предлога в *на Иванка дворъно*^{в} (ср. повтор *на с҃на єво на Ива*(*н*)[*ка*]); 2) с ликвидацией словоформы *дворъно*^{в} сохранение ъ внутри слова оказывается представлено только в двух именах на -*хъно*: *Грихънѣ*, *Стехъно*^{в}.

№ 1124. Раскоп Дмитриевский-3. Средняя часть документа из пяти строк без левого и правого края.

... (·)ѕ· семниць кон...
...а на городищи ·г҃· бѣлк- ...
... (зѧ)темъ родиваномъ ...
...[о]ва оу кожевника оу ...
... (по)лтиною брата ево ...

Из грамоты в древности была аккуратно вырезана фигура, по форме напоминающая наконечник ножен; возможно, она была использована для изготовления игрушечных ножен. В (*по*)*лтиною о* исправлено из *а*.

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1360-х гг.

В первой строке допустима реконструкция *кон*(*евыхъ кунъ*) ‘денег за коня’. Это словосочетание реконструируется также в № 164 (1 пол. XII в.) на основе другой части словоформы прилагательного: (*ко*)*невыхъ коу*(*нъ*).

Представляет интерес еще одна фиксация слова *семница*, известного только из берестяных грамот. В [Гиппиус 2017] этот финансовый термин был объяснен как единица счета мехов, связанная с сорочком. В зависимости от контекста семницей могли называть семь беличьих шкурок или семь сороков таких шкурок, при этом стоимость «большой» семницы соответствовала гривне серебра. Упоминание семниц в одном ряду с белками подкрепляет эту трактовку. Подтверждается и чтение ‘6 семниц’ в № 355 (1 пол. XIV в.), где данный термин выступает в искаженном написании: *на Дорофѣи на кожевникѣ 6 семенци*. Шесть семниц — сумма несколько больше гривны кун, соответствовавшей пяти семницам. Отметим, что в найденной на территории соседней усадьбы грамоте № 532 (кон. XIV в.) фигурирует сочетание *семку цѣна*, для которого А. А. Зализняк [ДНД: 630] предлагает перевод ‘стоимость «семка»’, понимая *семокъ* как ‘натуральный оброк, составляющий седьмую часть урожая’. Не исключено, что и здесь имеется в виду денежное соответствие все той же семницы (ср. синонимию *пятокъ* и *пятница* как названий дня недели).

В 3-й строке однозначно восстанавливается (*с зѧ*)*темъ Родиваномъ*, в 4-й предположительно — (*оу Ꙗк*)*ова оу кожевника оу*... В первом случае предлог в именной группе не повторяется, тогда как во втором повтор имеет место, причем двойной (второй предлог мог присоединять, например, отчество). Это распределение соответствует описанным в [ДНД: 164–166] правилам, согласно которым повторение предлога обязательно, если первым членом группы является имя собственное, и факультативно, если в этой роли выступает апеллятив.

Буква *а*, исправленная на *о* в (*по*)*лтиною*, — скорее всего, не отражение аканья, а след синтаксической правки: написанное (*рубль и по*)*лтина* писец переделал в (*рубль с по*)*лтиною*. Пропуск *оу* перед *брата* вряд ли случаен. Его можно было бы объяснить тем, что окончание творительного падежа *а*-склонения звучало в языке писца как [oj] и слова [с полтиноj у брата] были записаны как единая фонетическая последовательность. Однако такой же пропуск предлога *у* после *ю* обнаруживается в № 2 (2 пол. XIV в.): ...*кȣницю*, ⟨*ȣ*⟩ *Вѣльѧказа*... (на 12 сочетаний с тем же предлогом после других гласных). Скорее всего, в обоих случаях перед нами чисто графический эффект — необозначение второго из двух одинаковых гласных.

Словоформа *ево* — самый ранний в берестяных грамотах пример перехода *г* в *в* в окончании Р. ед. м.-ср. местоименного и адъективного склонения. До сих пор это явление было представлено только в № 496 (сер. XV в.).

В переводе общую структуру записи можно представить так: ‘У X-а 6 семниц [денег за коня (?)]. У Y-а на Городище 3 белки. У Z-а с зятем Родиваном [столько-то]. У Якова [отчество (?)], кожевника, рубль с полтиной. У его брата [имя, столько-то]’. Сумма в рублях

могла быть, конечно, и иной, но она в любом случае была намного больше других указанных сумм, с чем коррелирует вероятное упоминание отчества этого лица.

№ 1125. Дмитриевский-3. Фрагмент письма, содержащий левые части первых трех строк.

поклонъ ѿ є[в]ана к- …
ду цто с литошни[м]- …
[ть]---ни не мо[л]…
(…)

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг.

Поскольку утраченная правая часть грамоты вряд ли была совсем узкой, следует думать, что адресатов было два; имя второго заканчивается на *-ду* в начале второй строки (Давыд?). Прилагательное *лѣтошнии* ‘прошлогодний’ засвидетельствовано уже в древнеболгарском переводе Толковых пророков, дошедшем в списках с рукописи Упыря Лихого 1047 г. [Слов. XI–XVII, 8: 221], и до сих пор повсеместно представлено в русских говорах [СРНГ, 17: 24]. В берестяных грамотах оно ранее не встречалось, при том что синоним *лоньскыи* представлен неоднократно. В грамотах позднего периода это определение в трех из пяти случаев относится к зерну (№ 50, 196, 482). Скорее всего, о зерне речь шла и в этом письме, а на *мол-* в 3-й строке начиналась какая-то форма глагола *молотити* или *молоти*; могло упоминаться, например, *немолотое* прошлогоднее зерно.

№ 1126. Раскоп Дмитриевский-3. Левая часть документа, содержавшего девять строк на лицевой стороне и, вероятно, столько же на обороте. С целью уничтожения документ был разрезан по вертикали, после чего из сохранившегося фрагмента был сделан неправильной формы вырез вверху справа. Большая часть поверхности оборотной стороны грамоты содрана, и на ней сохранилась только последняя строка. С однозначными восполнениями утраченных частей словоформ текст имеет следующий вид:

ꙩспод(ину)… **(ти)**⸗
моѳи… …⸗
ови а ин--------ни а … … **(н)**⸗
адобь и тъı [ѿ]----ина …
ка къ мни правити т…
ни в землу не поиду а са(м)…
а не хошь какъ тоби лу(бо) …
иби попецаловалесе б…
це по двинаца билки [к]…

оборот:

…
… **да шатришко пришли**

От буквы *ѿ* в 4-й строке виден только низ; реконструируем ее таким образом, поскольку начальное /о/ записывается в грамоте как *ꙩ*. В 7-й строке *н* исправлено из *с*. В 9-й строке первое *к* исправлено из *а*.

О размере утраченной правой части можно судить по шестой строке, окончание которой содержало почти целую фразу, начинавшуюся с *а сам*… Расположение реконструируемых окончаний строк в нашей записи предполагает, что грамота была разрезана пополам. В таком случае вместе с продолжением на обороте, написанным той же рукой, она

Илл. 1. Грамота № 1126

должна была содержать примерно 170–180 слов, что соответствует объему самого длинного из полностью сохранившихся берестяных писем — № 531 (кон. XII — 1 пол. XIII в.).

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1390-х гг.

Грамота содержала челобитную феодалу. Упоминается земля и какие-то цены, выраженные в белках. Целиком читается только одна, но очень выразительная фраза: *А не хошь — какъ тоби лу*(*бо*). Ср. в [НПЛ: 422] под 1442 г.: *Новгородци же отвѣщаша: «Хошь, княже, и ты к намъ поѣди; а не въсхошь, ино какъ тобѣ любо»*.

Графика документа — стандартная, без смешения *ъ* с *о* и *ь* с *е*. *Ѣ* последовательно заменен на *и* как в середине, так и на конце слова: *къ мни*, *тоби*, *двинаца*, *билки*. Последовательный характер носит и утрата конечных безударных гласных: *надобь*, *хошь*, *какъ*. В *двинаца* (из *дъвѣ на десѧте*) отразилась и дальнейшая потеря конечного *т*, а также выпадение первого заударного гласного и вызванное им оглушение [д'с'] > [ц']. Выпадением гласного *е* и упрощением [ч'ш'] > [ш'] объясняется и разговорная форма *хошь* (< *хочешь*), впервые встретившаяся в берестяных грамотах, но известная по другим источникам (см. приведенный пример из НПЛ). Как такой же аллегровый вариант к *будешь* можно трактовать *буше* ⟨*бушь*⟩ в № 273 (2 пол. XIV в.): *ѡже буше поимала*… Это кажется более вероятным, чем допущение описки — пропуска слога [ДНД: 584]: хотя писец блока, в который входит грамота, периодически пропускает отдельные буквы, в пропуске слогов он более не замечен[3].

[3] А. И. Соболевский [2006: 297, 417, 482] объясняет разговорное *хошь* влиянием диалектного *хочь*, видя в последнем древний оптатив, образованный аналогично *вижь*, *дажь* и др. В принципе так же можно объяснить и *бушь*, но в этом нет необходимости: современные *хошь* и *бушь*, безусловно, порождаются фонетически из *хочешь* и *будешь*, и ничто не мешает предполагать то же относительно их позднедревнерусских соответствий.

Написания *землу* и *лу*(*бо*) пополняют уже и без того обширный фонд примеров, отражающих специфику реализации противопоставления /л/ и /л'/ в древненовгородском диалекте [ДНД: 80].

Содержание грамоты можно попытаться в общих чертах восстановить, опираясь на имеющиеся параллели. Упоминание автора в единственном числе (*къ мни*) показывает, что перед нами не коллективная крестьянская челобитная, а письмо управляющего — ключника или старосты. С учетом предполагаемой длины утраченной части вероятной представляется следующая структура адресной формулы: *Ѻсподину* [имя и отчество] (*ключникъ твои Ти*)*мофи*(*и челомъ бьеть*). От начальной фразы основного сообщения, описывавшей текущее положение дел, сохранился фрагмент *…ови а ин--------ни*. Он достаточно информативен: на *ин-* явно начиналась какая-то форма местоимения *инъ*, а на *-ови,* скорее всего, заканчивалось сказуемое, выраженное кратким прилагательным. Из качественных прилагательных на *-овъ* в берестяных грамотах заканчиваются только *сдоровъ* и *готовъ*. Последнее выступает в роли сказуемого в № 17 (нач. XV в.): *Поклонъ ѿ Михаiл*[*ѣ*] *к осподину своѥму Тимофию. Землѧ готова, надобь сѣмѧна…* Слово *земля* появляется далее и в нашем тексте, как и предикатив *надобь*. Можно думать, что упоминались земельные участки (например, нивы), из которых (*инии гото*)*ви*, *а ин*(*ии не ора*)*ни*, то есть не вспаханы. Та же параллель подсказывает и вероятное продолжение: *а* (*ныни, осподине, симена н*)*адобь*. Глагол *правити* в следующей фразе мог обозначать доставку семян, ср. такое его использование в № 806 (2 пол. XII в.): …(*от*)[*р*]*окомъ оти орють орогъ, а ѧ пьшеничю пр*(*а*)[*вл*]*ю* '[прикажи] отрокам пахать лощину, а я пшеницу пришлю'. В нашем случае фраза могла бы иметь вид: *и ты …* (*понаболисѧ пшен*)*ка къ мни правити т*(*воѧ*) — с обычным для Новгорода именительным падежом при инфинитиве (о вероятном значении 'пшеница' у *пшенка* см. [ДНД: 552]; в этом значении слово выступает, по-видимому, и в № 1086). Сказуемое следующей фразы *не поиду* — вряд ли 1 л. ед. ч. (такая трактовка шла бы вразрез с общим характером текста), скорее это 3 л. мн. ч. 'не пойдут' с нулевым окончанием. Поскольку формы 3 л. без *-ть* выступают в берестяных грамотах преимущественно в условных и целевых придаточных, можно думать, что речь идет о возможном отказе крестьян пахать еще не возделанные нивы, например: (*Аже хрестьѧ*)*ни в землу не поиду*… Напрашивается и вероятное продолжение: *а са*(*ме, осподине, поиди симъ* ⟨*сѣмо*⟩). Сохранившаяся фраза *А не хошь — какъ тоби лу*(*бо*) естественным образом завершает этот пассаж. В следующей фразе на *-иби* почти наверняка заканчивалась словоформа *хлиби* ⟨*хлѣбѣ*⟩, а глагол *попечаловатися* стоял в сослагательном наклонении (ср. *чо би попецелилесѧ* 167): (*И ты бы, ѻсподине, ѻ хл*)*иби попецаловалесе* (отметим переход ['а] в [е] в возвратной частице). Мотивируя это предложение, автор далее сообщал о ценах на хлеб. На *-це* могло заканчиваться слово *жи*|*це* (< *житьце*), диминутив к *жито* 'ячмень', ср. *жицемъ* в № 1114.

Все сказанное приводит нас к следующей реконструкции содержания текста на лицевой стороне грамоты: 'Господину [имя и отчество] [ключник/староста] Тимофей [бьет челом]. [Нивы твои, господин], одни [готовы], а другие [не вспаханы]. И нужны [семена, господин]. И ты … [позаботься] прислать мне [твою пшеницу]. [А если крестьяне] в поля не пойдут, то сам [поезжай сюда, господин]. А не хочешь — как тебе угодно. И ты бы, [господин], позаботился [о своем] хлебе: … [продают ячмень] по 12 белок [коробью/кадь]…'.

В единственной сохранившейся строке на обороте можно было бы выделить имя *Тришко* — гипокористику от *Трифон*: 'такой-то и Тришка пришли'. Но, не говоря о странности завершения письма таким сообщением, эта трактовка встречает морфологическое препятствие: в тексте на древненовгородском диалекте имя *Тришко* имело бы окончание *-е* (ср. *попечаловале*). Между тем при выбранном варианте словоделения получаем грамматически и по смыслу безупречную фразу: *…да шатришко пришли* 'да пришли палаточку'.

Словоформа *шатришко* важна для истории русского словообразования. Это не только единственный в корпусе берестяных грамот экспрессивный диминутив на *-ишко*, но и, по-видимому, вообще старейшая фиксация данного типа субъективно-оценочных образований. Переживший расцвет в деловом языке Московской Руси XVI–XVII вв., в памятниках

XV в. этот тип только начинает проявляться. К примерам в [Азарх 1980: 292], самый ранний из которых — *деревнишко* в жалованной грамоте можайского князя Андрея Дмитриевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1428–1432 гг. (список XVI в.), добавим *діаконишко Зиновишко* в записи Евангелия РНБ, F.п.1. 21 [Столярова: 365] начала XV в.[4] В XVI в., когда данная модель получает широкое распространение, она фиксируется и для слова *шатеръ*: *Шатришко затоптали и лошеди из рук отнимали* [Посольские книги: 246]. Приведем также два фольклорных примера. Из записанной на Мезени былины о Добрыне и Дунае: *Кажись, не было не буры и не падеры, А всё моё шатрышко розвоёвано* [Былины, 4: 273]; из сказки, записанной в Белозерье: *И роскинули они десять шатров богатырских. А у Мишки Водовоза нет богатырска шатра, поставил три колышка, окинул свой балахонишко, выстроил себе шатришко*… [Соколовы: 282].

«Шатришко», палатка, о которой просит Тимофей, — яркий штрих к образу жизни ключника, которому по ходу надзора за крестьянскими работами приходится ночевать и в полевых условиях.

№ 1127. Дмитриевский-3. Два нестыкующихся фрагмента большой грамоты, разорванной на вертикальные полоски; сохранился левый край и полоска из середины. Документ содержал 21 строку на лицевой стороне и 10 строк на обороте. По числу строк на одной стороне листа (как и по общему их количеству) это рекорд среди новгородских берестяных грамот. Следующие по данному параметру грамоты № 161 (1 четв. XV в.) и № 129 (4 четв. XIV в.) содержат, соответственно, 17 и 16 строк. Необычно и расположение текста: строки идут не вдоль, а поперек волокон бересты. Из новгородских грамот так написаны только два ранних письма: № 123 (2 пол. XI в.) и № 1036 (2 пол. XII в., блок Якима). Между тем именно так оформлены три из четырех московских берестяных грамот (№ 1, 2, 3), датируемые концом XIV — первой половиной XV в. При этом Мос. 3 (опись имущества) содержит 54 строки, а Мос. 1 (фрагмент судебного документа — правой грамоты) — 17: по-видимому, оба документа имели вид столбцов, отвечая стандартам деловой документации своего времени (ср. выше об оформлении грамоты № 1122/1123). В оформлении грамоты № 1127 могло сказаться и прямое влияние московской традиции делового письма на бересте — неподалеку на той же усадьбе найдена печать Московского и великого Владимирского князя Симеона Гордого, княжившего в Новгороде в 1346–1353 гг.

О характере текста можно судить по верхним строкам первого фрагмента, где прочитываются последовательности из 3–4 букв (разрозненные буквы в остальной части грамоты в приводимой ниже транскрипции отсутствуют).

На лицевой стороне: **при**…|**теп[о]**…|**инуω**…|**укуд**…|**коле**…|**юаш**…|**рова**…|**ржиоу**…
На обороте: …**ъмѣ**|…**амѣр**|…**авге**|…**ьип**|…

Стратиграфическая дата: конец XIV — начало XV в.

Грамота начиналась со слова *при*(*казъ*). В 8-й строке прочитывается *ржи* и далее, вероятно, предлог *оу*. Фрагменты *коле* и *рова* могли принадлежать притяжательным прилагательным: (*А*)*коле*(*ва*), (*Федо*)*рова*. На обороте, похоже, было дважды употреблено слово

[4] Традиционная датировка памятника годами княжения упоминаемого в записи Василия Дмитриевича (1389–1425) в настоящее время сужена до 1407–1409 гг. [Лифшиц 1995: 193; Турилов 2009: 156–157]. Отдельно оговорим, что к числу ранних примеров образований этого типа не может быть отнесено имя *Воришько*, выступающее в двух надписях на камне из кладки Софийского собора в Полоцке, датируемых в пределах XI–XIII вв. [Рождественская 1992: 121]. Связывать этот антропоним с современным *воришка* нельзя потому, что слово *вор* в этом значении фиксируется в русском языке лишь с XVI в. Возможно, *Воришько* следует трактовать как производное от имени **Ворихъ*, связанного с глагольной основой *вори-*, выступающей в **ot-voriti* (ср. *Ростихъ* в берестяной грамоте № 160, сер. XII в.).

мѣра (ср. *а Ѧкуонѧ жита пѧть дьсѧ мьро и 2 мьркь* 1037 (2 пол. XII в.)). По-видимому, грамота содержала распоряжения сборщику натуральных выплат (а может быть, и денежных: во 2-й и 3-й строках угадывается (*возми*)*те п*[*о*](*лтину*) и еще раз (*полт*)*ину*).

№ 1128. Дмитриевский-3. Прямоугольный фрагмент из середины грамоты, обрезанный со всех сторон. Читаются обрывки шести строк.

Илл. 2. Грамота № 1128.

…
…ѕемлю · и ѡв…
…ньскѣи · бер…
…оудную воду…
…дити · а проу…
…рить · поистин…
…[аєть · а] на то р…
…

Перед *з* в 1-й строке — *о* или *ю*. Перед *р* в 5-й строке виден низ косого штриха, который хорошо подходит для *ѧ* и *л* и хуже, из-за слишком сильного наклона влево, — для *и*, *н*, *п* (при этом приходится допускать, что буква находилась в строке существенно выше следующих за ней). Более вероятно, что этот штрих принадлежит букве *у* перед *д* в четвертой строке, написанной, наоборот, ниже соседних букв (чтобы обойти чечевичку).

Тем же почерком написана грамота № 1130. Совпадают характерные начертания букв *а*, *в*, *м*, *р*, *у*. Отличия минимальны и не затрагивают конструктивных элементов. В № 1128 несколько более выражены засечки, в № 1130 у единственного *д* изогнута платформа. В № 1128 варьирует форма *у* и, по-видимому, используется *оу* после согласных; в № 1130 в этой позиции дважды выступает *у* одной и той же формы (представленной и в № 1128).

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка блока: 1320-е — 1350-е гг.

Несмотря на масштаб утрат, существо отраженной грамотой ситуации можно уяснить. Ключ к реконструкции дает сочетание …*оудную воду* в 3-й строке, допускающее единственную правдоподобную конъектуру: (*запр*)*оудную воду*. Ср. контекст из документа 1696 г. [Слов. XI–XVII, 5: 281]: *а выше тое плотины … от тое новыя запрудные воды темъ верхнимъ мелницамъ и пашнемъ и сеннымъ покосомъ никакие порухи не будеть*. Корень *проу*[*д*]- опознается и в 4-й строке. Его мог содержать и глагол, инфинитив которого заканчивается на -*дити* (особенно если перед *д* восстанавливать *у*). Очевидно, в центре

описанной в грамоте коллизии находится пруд или запруда и запрудная вода. Пруды действительно упоминаются в деловых документах как предмет хозяйственных споров. Примером может служить конфликт между двумя нижегородскими монастырями — Никольским и Благовещенским, описанный в договорной записи 1599–1600 гг. Как сообщает запись, сделанная от лица игумена Никольского монастыря, царь Борис Федорович (Годунов) разрешил монастырю поставить мельницу на р. Гнилице: *И тем мелничным прудом залило Благовещенские вотчины бортного лесу на две версты и до рубежа, да три озера волоковые под Волосановским Селищем, ⟨…⟩. И старец Симан писал на нас о том к патриарху* [АФЗХ, 3: 73]. Жалобу на ущерб, нанесенный автору устроителем запруды, содержал, по-видимому, и комментируемый документ.

Исходя из такого понимания дела, попробуем частично реконструировать текст, оттолкнувшись от еще одной параллели — в данной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1484–1488 гг. В ней читаем: *Дал есмь ... вотчины своея Матиевьские земли по кое мѣсто вода поняла моея земли Матиевьские от их пруда монастырьскаго Кучецкаг*(*о*) *на рецѣ на Кучке* [АСВР, 1: 386]. Затопление земельных угодий водой от запруды обозначено здесь глаголом *поняти*. Можно думать, что в нашем случае то же действие было обозначено еще и презенсом от *брати*, составляющего супплетивную видовую пару к *яти*: (*вода поняла*) *…ю землю и ѡв… ….ньскѣи бер*(*еть*). На *ѡв*- должно было начинаться название еще одного затопляемого объекта. Это могло быть, например, *овсище* — поле из-под овса. В двинской грамоте сер. XV в. фигурируют *орамая земля*, *овсище урѣцище* [ГВНП, № 155]. В конце перечня был назван еще один объект в В. мн., с топографическим определением, например *пожни* (ср. упоминание пашен и покосов в первом из приведенных контекстов).

В следующей фразе запрудная вода выступает уже в роли прямого дополнения при инфинитиве на -*дити*. На роль управляющего глагола подходит приводимое у Даля *отпрудить* (‘открыть запруду и вообще застой волы, дать ей исток’). Следует думать, что речь идет о действиях лица, которое устроило запруду, а теперь (*запр*)*оудную воду* (*не хочеть ѿ҃пр*)[*у*]*дити*. То же лицо может быть и субъектом фразы, начинающейся на *а проу*… и заканчивающейся на …*рить*. По смыслу и грамматически хорошо подходит: *а проу*(*дивше сѧ по ряду тво*)*рить* ‘а утверждает, что запруду устроил согласно договору’, с возвратным *творитися.* Ср. в «Вопрошании Кирика» [ВК: 34]: *а творѧшесѧ и ѥп*(*с*)*па прошавъ и* ⟨*и*⟩*нѣхъ* ‘а он утверждал, что спрашивал епископа и других’. Ср. также в правой грамоте 1494–1495 гг.: *а яз, господине, тот наволок семь лет косил по ряду* [АФЗХ, 1: 212].

Следующая фраза отрывается книжным наречием *поистинѣ*, не характерным для древнерусской деловой письменности, однако идентифицируемым с полной надежностью[5]. Фраза может выражать эмоциональную оценку приведенного утверждения: *поистин*(*ѣ ложно сказыв*)*аеть!* Ср., с одной стороны: *То Гаврила сказывает ложно* [НКРЯ, Статейный список Федора Елчина, 1639–1640], а с другой — реплику Яня Вышатича в «Повести временных лет», обращенную к белозерским волхвам: *Поистинѣ лжа то!* [Лавр.: 176] (в Ипатьевском списке *лжете*, в Хлебниковском *лъжета*).

Последовательность *анатор* с высокой вероятностью интерпретируется как начало формулы *а на то р*(*ѧдци*), вводящей список свидетелей договора. Упоминание рядцов (в паре *рядци и послуси*, но также и отдельно) — принадлежность формуляра рядных грамот, фиксирующих соглашения между частными лицами относительно прав собственности,

5 Видеть здесь слово *истина* в обычном для берестяных грамот значении ‘основная сумма долга’ контекст не позволяет. Ср. между тем пример из документа 1569–1570 гг., в котором выступает столь же уникальный в деловых текстах синоним интересующего нас слова: *А больши того у меня Дятлова воистино нет ничего, как есть есми крестьянин* [НКРЯ]. Употребление этих наречий можно сопоставить с широко распространенным в судебных документах XVI–XVII вв. обязательством давать показания *в божью правду*.

см. [Андреев 1986: 115–127]. В данном случае рядцы должны были, по-видимому, засвидетельствовать факт нарушения договора, при заключении которого они присутствовали. Что устройство запруды действительно могло сопровождаться заключением «ряда», явствует из продолжения приведенной цитаты из грамоты 1484–1488 гг.: *А игумену и брат*(*ь*)*е плотины не велѣти выше тог*(*о*) ... *подъимати, а держати им ея по тому*, *как прежнее н а р я ж е н а* [АСВР, 1: 386]. Хотя глагол *наряжати* может означать и просто устройство плотины, здесь явно имеется в виду договоренность об уровне подъема воды. Особенно показателен контекст из правой грамоты 1498 г., где о подобной договоренности сообщают свидетели-«знахори»: *А коли, господине, наряжал Коровай мельницу, а тогды был посельской митрополич чернец Шуба, а ему племя, а н а р я ж а л п о с л о в у с Шубою; а то, господине, за нами знатье* [АФЗХ, 1: 228][6].

Приходим, таким образом, к следующей реконструкции общего содержания грамоты (встроенные элементы перевода сохранившихся фрагментов выделены курсивом). ‘Х поставил мельницу (?), устроив запруду. Вода от запруды уже залила пахотную (?) *землю и заливает* поле из-под *овса* (?) и …. А Х *запрудную воду* отказывается *спустить*. И *утверждает*, что *запруду устроил* по договору. Это он *воистину* лжет. *А тому свидетели*: …’.

Приведем и текст с примерной реконструкцией утраченных фрагментов:

…(орому)[**ю**] **землю и ѡв**(сище) **и** … …**ньскѣи бер**(еть). И [имя] (запр)**оудную воду** (не хочеть ѿпр)**удити**, **а проу**(дивше сѧ по ряду тво)**рить**. **Поистин**(ѣ ложно сказыв)**аѥть**. **А на то р**(ѧдьци): [имена свидетелей]…

№ 1130. Дмитриевский-3. Документ из четырех строк, в древности разорванный на три полоски, из которых до нас дошли верхняя (с утратой в середине 1-й строки) и нижняя. 3-я строка утрачена почти полностью, но ее окончание, сохранившееся на первом фрагменте, стыкуется с началом последней, 4-й строки:

сє посла и[ва](н)… …ру ѡсєтри=
ну ·[ҁ҃і·] [х](рє)[бтовъ бєзъ] · ѡдного с филипо=
(мъ съ) … (и съ) …[тко]=
мъ со ѡлисѣѥвъıмъ

Стратиграфическая дата: XIV в.

Перевод: ‘Вот послал Иван (Олександ)ру осетрину — 19 балыков, с Филипом (таким-то) и с …тком Олисеевым’.

Поскольку автора звали, скорее всего, Иваном, утраченная часть имени адресата должна была составлять 7–8 букв. При этом она не должна была содержать букв с «хвостами», которые иначе были бы видны. Из представленных в берестяных грамотах имен подходят *Селивестръ* и *Олександръ*. Поскольку второе носит адресат грамоты № 1131, весьма вероятно, что в обоих документах фигурирует одно и то же лицо. В качестве имени второго посыльного подходят *Игнатко*, *Микитко* и др.

Перед нами сопроводительная записка при посылке осетрины. Осетрина появляется в берестяных грамотах во второй раз. Первое упоминание содержит № 259/265 (2 пол. XIV в.): *послало ѥсьмо к тобѣ вѣ*[*дѣ*]*роко ѡ*[*се*]*тринѣ*… В нашем случае речь идет о намного более крупной посылке — неслучайно ее доставляют не один, а два человека. Слово, называющее единицу поставки, содержит лакуну и, с опорой на однозначно определяемые элементы букв, допускает два варианта реконструкции: [*х*](*реб*)[*товъ*] и [*х*](*вос*)[*товъ*].

[6] Отметим попутно, что формула, которой завершается речь свидетелей, ниже выступает в варианте *а за нами, господине, знатья только* [Там же], составляющем прямую параллель к формулам берестяных грамот: *толко за мною и словъ* 755, *толкко за нами словъ* 312, см. [ДНД: 637–638].

Второй вариант был бы приемлем, если бы имелся в виду свежий осетр, — количество крупной рыбы до сих пор измеряется в «хвостах». Между тем, как замечает Д. А. Петров [2015: 63–64], атлантический осетр поднимался по Волхову только до порогов; его добывали в Ладоге и не могли доставлять в Новгород в свежем виде; с другой стороны, слово *осетрина* может обозначать лишь уже приготовленный продукт. Реконструкция [*х*](*ре*)[*бтовъ*] подкрепляется и наличием левее горизонтали *т* вертикального штриха, который может быть трактован как большая засечка от *б* (такую же засечку имеет и *б* в № 1128).

Можно думать, что *хребетъ* используется в грамоте как название балыка, определяемого Далем как ‘соленая и провесная осетровая (и других сходных рыб) хребтовая полоса’, а в словаре Ушакова как ‘соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы’. Аналогично в № 842 (сер. XII в.) «хребтом» названа, по-видимому, корейка, непосредственно примыкающая к свиному хребту (*2 свиньи*, *хрьбьта 2*, *а 3 заѧцѣ и тетеревѣ*, см. [Петров 2018: 21]). Характерно, что в «Домострое» и более поздних памятниках, содержащих подробные гастрономические перечни, термин *хребетъ* не встречается, зато многократно представлен — применительно и к белорыбице, и к свинине — его синоним *спина* и диминутив *спинка*, по-видимому обозначающие те же продукты, см. [Домострой: 64–67 (о рыбе); 51 (о свинине)].

Безъ одного — первый в фонде берестяных грамот пример данной основы косвенных падежей числительного *одинъ* (пример *одоное* 222 непоказателен из-за возможности простого повторения гласного [ДНД: 442]); впрочем, в других памятниках эта основа фиксируется еще в XIII в. (*съ однымь* в духовной Климента ок. 1270).

В *со Ѡлисѣѥмъ* представлен один из вариантов развития сочетания *ъ* + *о,* см. [ДНД: 74]; ср. *безъ ѡдного*, с чисто орфографическим *ъ* после предлога, не имевшего на конце редуцированного.

Начальная формула вида «*се* + аорист 3 л.» характерна для новгородских актов; ср. другие варианты в грамотах, представляющих собой сопроводительные записки: *се посълаховѣ* 842, *послалъ ѥмь* 964, *послало ѥсьмо* 259/265. Актовую формулу — *а на то рѧдци…* — содержит и грамота № 1128. Таким образом, в обоих текстах автор демонстрирует знакомство с языковыми клише правовой письменности. Нельзя не обратить внимания и на следующее. Написанные одной рукой и найденные рядом, две грамоты были, скорее всего, адресованы одному лицу. При этом первая содержит жалобу, предполагающую принятие адресатом каких-то административных мер, а вторая извещает о посылке внушительной порции деликатесной рыбы. Возникает подозрение, что два документа отражают одну ситуацию и что отправленные 19 «хребтов» были призваны придать больший вес поданному прошению или же представляли собой плату за разрешение спора в пользу заявителя.

№ 1129. Дмитриевский-3. Письмо из семи строк с сохранившимися четырьмя краями, но со значительными утратами в верхнем правом и нижнем левом углу. Приведем текст с наиболее вероятными конъектурами:

благословльниѥ · и покл(онъ) …
далъ · пожню · мни …
ви (дит)[и] · коуны · носа(ть) …
… (по)[ж]нѧ лежить · а коу(ны во)з… …ни · пришли ми ·
… … мои · ·в҃· гр҃вни · и ꙗзъ · возмоу оу --[р]---выхъ · дитьи
… … (гр)[в҃]ни · или не пришльши · ·в҃· гр҃внѣ [пен]ѧ · оуцинитсѧ ·
… … (вѣ)даѥши ·:·

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1280-х (предпочтительно не ранее 1340-х) — не позднее 1350-х гг.

Конъектура (*дит*)[*и*] в 3-й строке опирается на фрагмент *оу …выхъ дитьи* в 5-й строке. (*По*)[*ж*]*нѧ* в 4-й строке восстанавливается с опорой на *пожню* во 2-й. Заключительное (*вѣ*)*даѥши* реконструировано по образцу концовки № 788 (кон. XII в.): *Къде ти недоем*[*л*]*е Безьдѣде, тъ* ⟨*ты*⟩ *вѣдаеши* ‘А [если] где недобирает Бездед, то [этим] ведаешь ты (т. е. за это отвечаешь ты)’. Имя человека, чьи дети упоминались в грамоте, содержало букву *р* на третьей позиции (от нее виден огромный хвост, целиком пересекающий следующую строку); из встречающихся в берестяных грамотах христианских имен подходят *Борисъ*, *Кюрикъ*, *Аврамъ* и др.

Адресная формула со словами *благословение и поклонъ* известна из № 618 (2 пол. XIV в.) — письма попа; очевидно, автором комментируемой грамоты также является священник.

Сочетание *коуны носѧ*(*ть*) находит параллель в № 490 (сер. XIV в.), где выражение *коуни шити ношю* в настоящее время трактуется как содержащее форму 1 ед. презенса от *носити*, см. [НГБ XII: 244; Петрухин 2017]. Согласно П. В. Петрухину, *куни шити* (в буквальном переводе «шитые куны») означает здесь либо просто ‘деньги’ (в виде кожаных «ассигнаций»), либо ‘одежда, мех’. Первый вариант представляется теперь более вероятным.

Глагол *лежати* в сочетании *пожня лежит* следует понимать в значении ‘находиться вне хозяйственного использования’ [Слов. XI–XVII, 8: 197: *и сенные покосы лежат*].

Для пропуска в середине 4-й строки оптимальную конъектуру предложил Д. В. Сичинава: *а коу*(*ны во*)*з*(*ѧти до Иванѧ д*)*ни*. Хотя день мог быть указан и иной, упоминание в качестве срока именно Иванова дня наиболее вероятно — и по расчету числа букв, и в силу близости праздника ко времени сенокоса.

Выражение *пеня учиниться* и его варианты встречаются в новгородских пергаменных грамотах [ГВНП, № 46, 63, 70 и др.]. Неясен синтаксический статус предшествующего *2 гр҃внѣ*. Если это сочетание зависит от *не пришльши*, то перед нами очень редкий пример В. падежа прямого дополнения при отрицании. В берестяных грамотах в этой позиции во все периоды последовательно выступает генитив (см. [ДНД: 159], где указаны только два исключения из этого правила — в обоих контекстах имеют место особые синтаксические условия, в нашем случае отсутствующие). Поэтому скорее здесь следует предполагать nominativus duplex: *или не пришльши, 2 гр҃внѣ пенѧ оуцинитсѧ* ‘если не пришлешь, 2 гривны будет пеня’.

Опираясь на уже прокомментированные фрагменты, попробуем восстановить ситуацию грамоты в целом. О ней мы пока знаем следующее. Адресат (X), землевладелец, «дал» автору пожню. Дети некоего лица (Y) приносят автору деньги (видимо, за пожню), но он эти деньги у них не берет, а возьмет только тогда, когда получит от адресата две гривны. Объяснить такую обусловленность можно, допустив, что пожня была дана автором адресату внаем, а затем передана Y-у (возможно, на более выгодных условиях). Отданные внаем пожни упоминаются в № 962 (2 четв. XV в.): *д*[*а*]*валъ ѥси пожн*[*и в наим*]*ы*. В этом документе пожни являются предметом конфликта между автором грамоты, который от лица своего господина раздал их арендаторам, и сельским попом, который требует предъявить грамоту, подтверждающую факт аренды; в противном случае поп (очевидно, считая пожни своими) угрожает поступить с арендаторами как с ворами: *и хто иметь тыи пожни косить, и ѧзъ тыхъ поимаю, да траву на воротъ взвѧжю, да ихъ веду в городъ*. В нашем случае поп тоже блюдет свой интерес. Две гривны, которые он хочет получить с автора, — видимо, внесенная им арендная плата; вероятна конъектура: *пришли ми* (*наимъ мои*), *.в. гр҃вни*. Только вернув свои деньги, поп согласен взять деньги у детей Бориса (видимо, чтобы затем передать их X-у). В начале шестой строки могло читаться, например: (*наимъ 3 гр*)[*в҃*]*ни*.

Итак, ситуация грамоты видится нам следующей. Адресат X отдал пожню в наем автору, сельскому священнику, а потом передал ее Y-у. Дети Y-а уже несколько раз приходили к попу с деньгами, чтобы заплатить за пожню и вступить в права арендаторов. Пожня пока простаивает. Деньги за нее нужно взять до Иванова дня, потому что приближается

пора сенокоса[7]. Поп просит X-а вернуть его плату за наем — две гривны, тогда он возьмет деньги у Y-овых детей. Если X не пришлет этих денег, то возникнет пеня, и отвечать за это будет X.

Приведем текст с вероятным восполнением лакун:

> **Блгословльниѥ и покл**(онъ ѿ попа къ X-у. Цто ѥси) | **далъ пожню мни** (въ наимъ и передалъ Y-у, а мни Y-о)|**ви** (дит)[**и**] **коуны носѧ**(ть) … | -- (по)[**ж**]**нѧ лежить**. **А к**[**оу**](ны во)**з**(ѧти до Иванѧ д)**ни**. **Пришли ми** | (наимъ) **мои** 2 **гр҃вни**, **и ѩзъ возмоу оу** (Y-о)**выхъ дитьи** | ------ **гр**[**҃в**]**ни**. **Или не пришльши**, **2 гр҃внѣ** [**пен**]**ѧ оуцинитсѧ** … |… (ты вѣ)**даѥши**.

№ 1131. Дмитриевский-3. Целый документ из четырех строк.

> **поклонъ ѿ юриꙗ ѿ жидилова ко ѡлеѯсанду жидиколосакажи**
> **паганнананоланажаасовосаюжо**
> **[кака]сакакасасȣсакун[н]анаканаака**
> **сахогасокосиа[к]оноасаанаасавабо**

Грамота написана на нижнем слое берестяного листа после того, как с него был содран верхний слой, содержавший другой текст. В некоторых местах проступают слабо различимые буквы этого текста; в частности, ниже букв *аан* в 4-й строке можно разобрать последовательность *скым*.

Строки 2–4 почти вдвое короче 1-й строки. Почерк неустойчив, буквы варьируют по форме, некоторые начертания довольно причудливы. У *а* внешний штрих петли часто, скругляясь, уходит глубоко под нижний край строки; выделяется также лигатурное *8* с огромными свисающими засечками и *о* с сильно пересекающимися дугами. Отдельные буквы идентифицируются без полной уверенности. В 3-й строке зеркальное *у* отлично по форме от *у* в 1-й строке и напоминает недописанное *а* указанного вида. Следующее *н* также написано зеркально.

Стратиграфическая дата: XIV в.

Это один из самых необычных берестяных документов. Адресная формула частного письма плавно перетекает в абракадабру, которую представляют собой три короткие строки. Впрочем, уже адресная формула содержит странности, возможно, проливающие свет на характер последующего текста. В имени адресата сделаны две ошибки: неправильно использована редкая буква *ѯ* — второй элемент обозначаемого ею звукосочетания продублирован буквой *с*; пропущено *р*. Последовательность *жиди*, с которой начинается однозначно не членимый на слова конец строки, нельзя не связать с отчеством автора — *Жидиловъ*. Следует думать, что это было и отчество адресата, с которым автор или не справился, или же, предваряя дальнейшее, сознательно исказил, «растворив» в начинающейся глоссолалии. Механизм искажения можно реконструировать. Автор собирался написать *ко Жидилову*, но пропустил предлог. Написав *жиди*, он спохватился и вставил его, после чего продолжил писать *ло* — в результате предлог оказался инкорпорирован в последовательность *жидило*. Слог *ву* автор также пропустил, уже исчерпав число слогов, отведенное для отчества, которое таким образом осталось недописанным. Завершающий строку отрезок *сакажи* можно понять как императив ⟨*скажи*⟩, записанный со скандирующим эффектом разделения сочетания согласных слогообразующим гласным, ср. *възимить* ⟨возмите⟩ 219. Заметим, что в основной части адресной формулы этот эффект отсутствует.

[7] Сходным образом в № 962 автор просит прислать ему требуемую попом грамоту до Петрова дня: *занежь, осподо, сено косять о Петрове* дни ‘потому что, господа, сено косят на Петров день’. От Иванова дня (Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня) Петров день (29 июня) отделяют всего пять дней.

Итак, перед нами, по-видимому, письмо от брата к брату — от Юрия Жидилова к Александру Жидилову. То, как автор обошелся со второй частью адресной формулы, наводит на мысль, что братья были еще совсем юны. Этим может объясняться и странное написание *а*, явно представляющее собой отклонение от нормы. Аномально и упоминание отчеств братьев — в других подобных письмах автор и адресат обозначаются только именами, причем адресат, как правило, называется братом (см. № 122, 129, 178, 531, 765). Более того, самоидентификация автора по отчеству вообще не представлена, помимо данной грамоты, в фонде берестяных писем. Юным возрастом автора может объясняться и факт вторичного употребления берестяного листа: для письма брату Александру Юрий мог воспользоваться письмом, выброшенным его отцом.

Императив ⟨*скажи*⟩ после адресной формулы можно сопоставить с *молви*, вводящим основное сообщение в № 346, 954, Ст. Р. 7. Но содержание трех коротких строк никаких параллелей в берестяной письменности не находит. Пытаясь определить характер этого текста, начнем с анализа его фонетического состава. Первое, что обращает на себя внимание, — отсутствие сочетаний согласных. Исключение составляют два случая повторения *н*. Основным строевым элементом текста является слог вида CV, представленный (включая слоги с двойным *н*) 41 раз. Имеется также 6 слогов, состоящих из неприкрытого *а*. В таблице текст приведен с делением на слоги, представлена консонантная и вокалическая структура строк, а также указано количество гласных и согласных в порядке их появления в строках. Для *а* в скобках указано число употреблений в неприкрытых слогах.

Таблица

2	
па га нна на но ла на жа а со во са ю жо	
п-г-н-н-н-л-н-ж- (а)с-в-с-j-ж- -а-а-а-а-о-а-а-а (а)-о-о-а-у-о	п–1, г–1, н–4, л–1, ж–2, с–2, в–1, j–1 а–9 (1), о–3, у–1
3	
к- ка са ка ка са сꙋ са ку нна на ка на а ка	
к-к-с-к-к-с-с-с-к-н-н-к-н-(а)к- -а-а-а-а-а-у-а-у-а-а-а (а)-а	к–7, с–4, н–3 а–12 (1), у–2
4	
са хо га со ко си а ко но а са а на а са ва во	
с-х-г-с-к-с- (а)к-н- (а)с- (а)н- (а)с-в-в- -а-о-а-о-о-и (а)-о-о (а)-а (а)-а (а)-а-а-о	с–5, **х**–1, г–1, к–2, н–2, в–2 а–9 (4), о–6, и–1
Итого:	
с–11, к–9, н–9, в–3, ж–2, г–1, j–1, л–1, п–1, х–1 а–31 (6), о–9, у–3, и–1	

Как видим, из гласных с огромным отрывом лидирует *а* (70 %); за ним, с ритмичным трех- или почти трехкратным уменьшением частотности, следуют *о*, *у* и *и*. Отсутствуют *е*, *ѣ*, *ъ*, *ь*. Согласные делятся на высокочастотные *с*, *к*, *н*, встретившиеся 3 и 2 раза *в* и *ж* и представленные по одному разу *г*, *j*, *л*, *п*, *х*. Отсутствуют *б*, *д*, *з*, *м*, *р*, *т*, *ф*, *ц*, а также шипящие, за исключением *ж*.

Очевидно, что при такой фонетической организации вторая часть грамоты не может представлять собой связный текст на естественном языке. Перед нами также явно не тайнопись, основанная на перекодировке знаков кириллического алфавита, типа простой или

«мудрой» литореи. Можно предположить, что мы имеем дело с имитацией письма на иностранном, тарабарском языке или же с имитацией письменного текста как такового, «пустышкой», лишь изображающей письмо (в смысле letter, а не в смысле writing). Примеры подобных «псевдотекстов» на Руси известны. Они встречаются в виде надписей на монетах, иконах и фресках, памятниках декоративно-прикладного искусства, образуя особую традицию, находящую параллели как в Византии, так и на Западе (постановку вопроса на древнерусском материале см. [Бобрик 2018])[8]. В сфере частной переписки аналогичную имитацию вполне можно представить в качестве детской забавы, с чем хорошо согласуется использование «настоящей» берестяной грамоты с содранным текстом. Однако, если бы задача автора заключалась в простой имитации эпистолярного текста, было бы естественно ожидать одинаковой длины всех строк за исключением последней. Оформление второй части текста в виде трех коротких строк показывает, что автор преследовал какую-то иную цель.

О том, что такое оформление неслучайно, говорят различия в фонетической структуре трех строк, проявляющиеся как в составе гласных и согласных, так и в широте их репертуара. Наибольшая фонетическая однородность характеризует 3-ю строку: общее число использованных звуков здесь равно 5 — против 11 во 2-й строке и 9 в 4-й. Примечательно, что такую однородность демонстрирует самая длинная из трех коротких строк. Особенностью 4-й строки является значительный удельный вес слогов с неприкрытым *а* (их 4 на 13 CV-слогов) — в строках 2 и 3 они встретились только по разу. Своя отличительная черта есть и у 2-й строки. Ее консонантный состав наиболее специфичен: из 8 согласных 4 (*п*, *л, ж*, *j*) отсутствуют в двух других коротких строках. В 4-й строке такой согласный только один (*х*), в 3-й их нет. Все говорит о том, что каждая из коротких строк представляет собой самостоятельное целое. Перед нами, следовательно, не сплошной речевой поток, но композиция из трех «высказываний», обладающих собственной структурой ассонансов и аллитераций, в которые вступают повторяющиеся звуки.

Отметим также элементы фонетической переклички между строками. Отрезок *асовоса* во 2-й строке близок к *асававо* в конце 4-й; причем сам этот отрезок, если рассматривать его отдельно, представляет собой палиндром. Согласные, специфичные для 2-й строки по сравнению с 3-й и 4-й, все обнаруживаются в начальной строке, содержащей адресную формулу. При этом состав согласных начала 2-й строки — *п*, *г*, *н*, *л* — близок к консонантной основе читаемого над ним слова *поклонъ*, а уникальное *ю* в сочетании с *ж* в конце строки как будто отсылает к инициалам автора — *Ю. Ж.* (*Юрий Жидиловъ*). С другой стороны, весь фонетический состав 3-й строки — *к*, *с*, *н*, *а*, *у* — обнаруживается в форме дательного падежа имени адресата — *Олександру.* Не этим ли объясняется включение в строку двух *у*, нарушающее ее вокалическое единообразие? Таким образом, первая и вторая короткие строки как будто развивают фонетические «темы», заданные начальной строкой.

Что же представляют собой эти три «фразы», которые — если верно наше прочтение конца 1-й строки — адресату грамоты предлагается «сказать»? Их можно трактовать как образец детского фольклора и, разбив на ритмические единицы-«слова», прочесть как три заумные считалки, полностью асемантичные или содержащие отдельные вкрапления словоформ обычного языка (в этом состоит предложение А. Л. Топоркова, высказанное при обсуждении с ним текста грамоты). С другой стороны, можно попытаться выделить в тексте более крупные осмысленные фрагменты, трактовав его как языковую игру,

[8] Нужно заметить, впрочем, что в надежных примерах древнерусских надписей-имитаций используются или греческие буквы (при имитации греческого текста русским мастером, как в надписи на свитке пророка Моисея в куполе церкви Спаса на Нередице), или искусственный набор псевдобуквенных знаков (надпись на иконе св. Николая XIV/XV вв. из Третьяковской галереи). Бесспорные случаи использования в этой функции кириллической абракадабры нам неизвестны.

подчиняющуюся правилам, ранее описанным на материале памятников эпиграфики [Гиппиус 2018][9]. Два подхода в принципе не исключают друг друга, но, развивая их, мы вступаем в область слабо верифицируемых гипотез, обсуждение которых лучше отложить до особой публикации.

Как мы предположили выше, адресат письма Александр Жидилов является также адресатом грамот № 1130 и № 1128. В них он выступает уже как хозяин усадьбы, наделенный какими-то административными полномочиями. Характерно для своей эпохи имя *Александр*. Из восьми ранее найденных берестяных грамот, в которых оно встречается, семь относятся к более позднему времени, а не имеющая археологической даты грамота № 355 внестратиграфически датируется первым 20-летием XIV в.[10] Ту же динамику отражают летописные данные: в НПЛ первый Александр не из числа князей упоминается под 1333 г., после чего имя встречается регулярно. Среди Рюриковичей Александры появляются столетием раньше, в начале XIII в., см. [Литвина, Успенский 2006: 168].

№ 1132. Воздвиженский-7. Нижняя часть письма с отрезанным правым краем. Окончание 2-й и значительная часть 3-й строки сохранились только на нижнем слое бересты. Приводим текст с наиболее надежными конъектурами:

… [фили]пова двора да цтобъı єси господи(нє) …
лилєсь ци поидєть рать за волокъ цтобъı вѣ{ѥ}ст^{к}а бъıла напс(ана бл)⸗
устисє ль на^{мъ} рати ци нє блустись азъ тобѣ своєму го$^{[с](по)}$дину цєло[м](ъ бью)

Писавший трижды пропускал буквы и вписывал их над строкой; кроме того, *ѣ* в *вѣ*{*ѥ*}-*ст*^{к}*а* исправлен из *ь* (поэтому он находится слишком близко к *в,* см. илл. 3). Замечательно в палеографическом отношении *з* во 2-й строке, с огромным, фигурно изгибающимся хвостом, как будто символизирующим долгий, извилистый путь в Заволочье.

Илл. 3. Грамота № 1132, фрагмент.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х (предпочтительно не ранее 1340-х — не позднее 1390-х гг.).

Утраченный правый край грамоты был, по-видимому, довольно узок, что позволяет реконструировать окончания строк. На *лилесь* могли заканчиваться из подходящих по смыслу словоформы *молилесь*, (*по*)*наболилесь* и (*по*)*пецалилесь*. Первая предполагает наличие дополнения в дательном падеже, остальные — нет. Между уверенно восстанавливаемыми *напс*(*ана*) и (*бл*)|*устисе* могло также находиться дополнение (например, *ѿ тебе* или *сѣмо*), но они хорошо стыкуются и непосредственно. Это делает самыми экономными конъектуры (*набо*)|*лилесь* и (*пеца*)|*лилесь*, при которых утраченные окончания 1-й и 2-й строк содержат 6 и 5 букв. Смысл в обоих случаях получается один и тот же.

[9] Такая попытка (возможно, излишне смелая) была предпринята в моем докладе на конференции «Эпиграфические итоги» 19 декабря 2020 г.

[10] На то, что Александр грамоты № 1131 является одним из первых известных в Новгороде носителей этого имени, любезно обратила мое внимание Сюзана Торрес-Прието.

Перевод: '…Филипова двора. И ты бы, господин, позаботился о том, чтобы было письменное известие, пойдет ли рать за Волок, — [чтобы мы знали], остерегаться нам рати или не остерегаться. А я тебе, своему господину, бью челом'.

Предполагаемое переводом несоответствие порядка придаточных иерархии подчинения находит аналог в № 53 (1 пол. XIV в.): *Спиши списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо, куды грамота поведе, дать ми розумно* 'Спиши список (копию) с купчей грамоты да пришли сюда, чтобы мне было понятно, куда поведет купчая грамота' [НГБ VIII: 151]. Использование *ци* как частицы, оформляющей косвенный вопрос, — такое же, как в № 736 (1 пол. XII в.): [*а*] (*пр*)[*и*]*съ*[*ли т*]*акоую же вѣсть сѣмо*, [*ц*]*и есть саме в*[*ъ*]*хоу* [*ли*]*хв*[*оу вьд*]*але* 'пришли сюда весть о том, отдал ли он сам всю лихву'. Теоретически первое из двух *ци* может быть трактовано и как условный союз — в таком случае перевод будет иным: 'И ты бы, господин, позаботился [о следующем]: если пойдет рать за Волок, чтобы было письменное сообщение, остерегаться нам рати или не остерегаться'. Однако по смыслу первый вариант предпочтителен: автор скорее ожидает от адресата информации, пойдет или не пойдет рать за Волок, чем указаний, как вести себя в отношении этой рати. Естественно думать также, что два *ци* выполняют одну и ту же синтаксическую функцию, а не разные (о значении и функциях этого служебного слова см. [Птенцова 2000]).

Синтаксически двусмысленна и фраза *цтобы вѣ*{*ѥ*}*ст*[к]*а была напс*(*ана*). Последнее слово может быть трактовано или как причастие в роли сказуемого ('чтобы было написано сообщение'), или как прилагательное, являющееся определением к *вѣстка.* Вторая возможность, которую отражает наш перевод, предполагает акцент на письменном характере сообщения, что, как кажется, вполне отвечает ситуации. Упоминание рати показывает, что сведения о ее возможной отправке за Волок уже достигли мест, оттуда прислана грамота, — слух об этом мог принести кто-то из обитателей *Филипова двора*. Ср. сообщение о получении устных сведений того же рода в № 636 (сер. XIII в.): *Пришьль искоупникь ис Полоцька*, *а рать поведае великоу* 'Пришел выкупленный пленник из Полоцка, сообщает, [что собралось] большое войско'. Не полагаясь на слухи, автор просит господина письменно подтвердить или опровергнуть эту информацию. Параллель к атрибутивному *напсана* представляет № 10 (2 пол. XIV в.) — загадка о Ноевом ковчеге, где о «послé»-голубе сказано: *самъ нимъ* ⟨*нѣмъ*⟩*, везе грамоту непсану*.

За написанием *азъ* стоит, по-видимому, *а язъ,* см. [ДНД: 72–73].

Большой интерес представляет написание *вѣѥстка*, трактуемое нами как результат непоследовательно произведенного исправления *выѥстка* на *вѣстка*. Исходный вид этой словоформы явно отражал дифтонгическое произношение /ě/ как [ie] или [je]. В фонде берестяных грамот этот пример уникален, но может быть сопоставлен со случаями записи через *ѣ* слов с начальным [je] в № 776 (2 пол. XII в., *ѣли*) и № 147 (1 пол. XIII в., *ѣще*). А. А. Зализняк замечает по поводу этих примеров, что *ѣ* в них, «по-видимому, ⟨…⟩ использован для того, чтобы подчеркнуть йотацию, т. е. в роли *ѥ»* [ДНД: 308].

Слово *вѣстка* в берестяных грамотах надежно выявляется впервые. До сих пор оно лишь предполагалось во фрагменте № 668 (2 пол. XII в.), где, однако, остатки предшествующих букв делают более вероятным чтение *невесткоу*. Отметим, что в обоих примерах на данное слово в [Слов. XI–XVII, 2: 117–118] оно означает не просто весть, а официальное письменное уведомление: *и язъ ему билъ челомъ, чтобъ онъ пожаловалъ вѣстку учинилъ* (Англ. дела, 1585); *И по малѣхъ днехъ сталъ полуголовѣ бить челомъ, чтобъ вѣску подалъ женѣ моей, гдѣ сосланы* (Записка дьякона Федора, 1666). Ср. значение официального документа у современного *повестка*[11].

[11] Еще одну раннюю фиксацию слова может содержать № 487 (сер. XII в.). В последней фразе этой грамоты до сих пор, в отличие от № 668, выделялось как раз слово *невѣстка* в необычном сочетании с *сестра*: *А возывахо тѧ сьстрою ньвѣстокою*, с двумя вариантами перевода: 'А [ведь] я называл тебя сестрою, невесткою' или 'А вызывал я тебя через сестру-молодицу', см. [ДНД: 294]. Более естественным и отвечающим общей тональности грамоты, представляющей собой,

Написания (*набо*)*лилесь*, *блустись* и *блустисе ль* выразительно иллюстрируют механизм утраты конечных безударных гласных: показатель возвратности теряет гласный на конце фонетического слова (в первом случае — после диалектного окончания -*е*), но сохраняет его перед *ли*, которое, в свою очередь, оказавшись в финальной позиции, утрачивает гласный; возвратная частица, уже примкнувшая к глаголу, выступает при этом в виде *се*.

Упоминание об отправке рати «за Волок» представляет значительный исторический интерес. О военных предприятиях в Заволочье (бассейне Онеги и Северной Двины) в период, которым датируется грамота, новгородские летописи не сообщают. Найденная в одном слое с печатью посадника Юрия Ивановича (1371–1377), грамота не может иметь в виду авантюру Луки Варфоломеевича, отправившегося на Двину в 1342 г. «не послушав Новагорода» и убитого «заволочанами» [НПЛ: 355–356]. Но ее вряд ли возможно связать и с войной Новгорода с великим князем Василием Дмитриевичем за Двинскую землю 1397–1398 гг. Ближе по времени к посадничеству Юрия Ивановича упоминание Заволочья под 1386 г.: «Тои же зимѣ ѣздиша за Волокъ Федоръ посадникъ Тимофѣевич, Тимофѣи Юрьевич, а с ними боярьскии дѣти, брати 5000 рублевъ, что возложилъ Новъгород на Заволочкую землю, занеже заволочанѣ былѣ же на Волгѣ» [НПЛ: 380–381]. 5000 рублей были частью контрибуции, которую Новгород обязался выплатить Дмитрию Ивановичу за рейды на Волге новгородских ушкуйников, осуществлявшиеся, в частности, из Заволочья. Снаряженная для сбора этой огромной суммы экспедиция должна была опираться на военную силу, и местные жители вполне могли воспринимать ее как посланную из Новгорода «рать». Этой рати они имели все основания «блюстись», опасаясь, возможно, не столько военных действий, сколько экономически разорительного пребывания на своих землях новгородского воинского контингента.

Но нужно учесть и другую возможность. Слова *за Волокъ* могут обозначать не цель, а направление движения новгородской рати. Через Обонежье и Подвинье пролегал путь далее на восток, в Печеру и Югру, куда новгородские данники ходили еще в конце XI в. В XII в. такие экспедиции носили вооруженный характер; ср. начало рассказа о походе 1193 г., в котором югорцами было истреблено почти все новгородское войско: «идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядреемь» [НПЛ: 40–41]. Важной вехой в освоении Новгородом этих территорий стал поход 1364 гг., в ходе которого новгородцы, перевалив через полярный Урал, воевали в нижнем и среднем течении Оби: «Тои зимы съ Югры новгородци приихаша дѣти боярскиа и молодыи люди, и воеводы Александръ Абакуновичь, Степанъ Ляпа; воевавше по Обѣ рѣки до моря, а друга половина рати на верхъ Оби воеваша; и Двиняні сташа противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянъ на Курѣ» [ПСРЛ, 4: 291]. Хронологически этот поход вполне совместим с датировкой грамоты, и нельзя исключать, что под «ратью», имеющей отправиться «за Волок», подразумевалось войско Александра Абакуновича.

№ 1133. Воздвиженский-7 раскоп. Три стыкующихся фрагмента грамоты из пяти строк, многократно разрезанной с целью уничтожения[12]:

…єпана къ …
…хот…
…уно--ѣрої…
…ушковъіхъ дѣтєі [оу]----[з]-[ѿ]рєі-
…ину ѻрєшь

по определению А. А. Зализняка, «увещевательное письмо к строптивой женщине», кажется иное словоделение: *А возывахо тѧ сьстрою, нь вѣстокою* ‘А вызывал я тебя через сестру, а не извещением’. Фраза выглядит как ответ на упрек адресата, заключавшийся в том, что с ней обошлись не по-родственному, направив какое-то формальное уведомление.

[12] Положение правого фрагмента установлено С. М. Михеевым.

В 3-й строке перед *у* зачеркнута какая-то буква. Грамота написана изящным, уверенным почерком с небольшим правым наклоном; признаки бытовой орфографии отсутствуют.

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Несмотря на утрату примерно двух третей от общего объема грамоты, некоторые выводы о ее содержании сделать можно. Начнем с однозначно определяемых компонентов текста. К ним относятся: 1) обрывок адресной формулы в 1-й строке, показывающий, что перед нами письмо Степана; 2) упоминание «-ушковых детей» в 4-й строке; 3) словоформа *ѳрешь* ‘пашешь’ в 5-й строке. Во второй строке перед *х* виден верхний левый уголок буквы, подходящий для *в*, *ъ* и *ѣ* (*б* и *з* исключены ввиду невозможности соответствующих сочетаний). После *т* виден нижний левый угол буквы, подходящий для *в* или *ь* (но не для *ъ* и *ѣ* ввиду слишком малого расстояния от предыдущей буквы; *б* здесь невозможно фонотактически). Этим условиям не отвечает ни одна из форм глагола *хотѣти*. Подошло бы имя *Хотько*, однако дохристианские имена на *Хот*- в берестяных грамотах этого периода уже не встречаются: из 15 примеров только один (*на Хотиль* 761) фиксируется в тексте конца XIII в., остальные относятся к домонгольской эпохе. Не имеющей правдоподобных альтернатив выглядит поэтому конъектура [*в*]*хо т*[*в*](*ое*) ‘все твое’, хорошо сочетающаяся с упоминанием далее каких-то сельскохозяйственных угодий. Ср. *вохо мое* в № 390 (посл. треть XIII в.) при перечислении земельных участков.

В 3-й строке словораздел нужно предполагать между двумя несохранившимися буквами[13]. В этом случае выделяется словоформа Тв. ед. существительного — (*в*)*ѣроі* или (*м*)*ѣроі* или же Д.-М.-Тв. ед. ж. прилагательного — (*с*)*ѣроі*. Предыдущая граница вряд ли проходит после *у* — это заставляло бы выделить союз *но*, деловой письменности совершенно не свойственный. Следовательно, отрезок *уно* принадлежит одной словоформе. Поскольку признаки бытовой орфографии в тексте отсутствуют, этой словоформой не может быть Р. мн. *куно*. Хорошо подходит между тем форма Тв. ед., органично сочетающаяся с одним из вариантов для следующего слова: (*к*)*уно*(*і с*)*ѣроі* ‘серой куницей’. Это до сих пор не встречавшееся сочетание — явная параллель к «черной куне», фигурирующей в ПВЛ в качестве единицы дани, которой Олег обложил древлян (*имаша на ни*ˣ *дань по чернѣ кунѣ* [Лавр.: 23]), а также в ряде других источников, см. [Темушев 2015: 32–34]. С другой стороны, упоминание «серой куны» — куницы в творительном падеже находит соответствие в № 31 (сер. XIV в.), где куница составляет размер подати, ежегодно выплачиваемой крестьянином феодалу: *А сиротѣ тобѣ*, *осподине*, *и по томъ приходѧ куньницею на годъ* ‘А крестьяне тебе, господин, и в дальнейшем будут ежегодно доставлять куницу’. Как форма выплаты подати — «дара» куница упоминается также в № 406: *а даро ведаеше*: *3 куници 3 годо*[14].

К сожалению, словоформа прилагательного утратила первую букву, и мы не знаем, имела ли она вид *сѣроі* или *хѣроі* — с ожидаемым в Новгороде отсутствием рефлекса 2-й палатализации в корне. Но все же более вероятно, что слово было записано с начальным *с* — буква *х* той высоты, какую она имеет в слове -*ушковыхъ*, проявилась бы своей нижней

[13] Маловероятно, чтобы в грамоте фигурировал пчелиный *рои* (письменными памятниками слово не засвидетельствовано) или *роина* ‘водороина’, представленная в [Слов. XI–XVII, 22: 204] единственным примером из текста XVII в.

[14] Отдельный вопрос состоит в том, что могла материально представлять собой «серая куна» и как она соотносилась с «черной». Возможный ответ подсказывает современная номенклатура меха куницы, подразделяющая шкурки на четыре цветовые категории: темно-голубые, голубые, темно-песочные и песочные. Первые две, наиболее ценные, называются голубыми по цвету не меха (темно-каштанового и каштанового), а подшерстка, пуха, в действительности — серо-голубого и серого [Гончарова 2009: 74]. «Серая куна» оказывается, таким образом, вполне адекватным обозначением этих категорий меха (или же только второй из них, противопоставленной темно-голубой «черной куне»).

частью на уровне 4-й строки. Реконструкции *вохо тв*(*ое*) во 2-й строке это не противоречит — ср. наддиалектное *цѣна* в № 532 (кон. XIV — нач. XV в.), на фоне других диалектизмов в фонетике и морфологии.

В 5-й строке высоковероятной представляется конъектура (*паре*)[*н*]*ину* 'пар, паровое поле'. Это же слово реконструируется в № 756 (2 пол. XIV в.) на основе начала словоформы: *возарало на паре*(*нини*) (*ѣ* в грамоте заменяется на *и*). Заметим, впрочем, что и в этой грамоте больше оснований реконструировать форму В. ед.: (*землю твою*?) *возарало на паре*(*нину*); ср. в правой грамоте 1495 г.: *А сего лета, господине, пахал ту землю на паренину и рожь сеял* [Рыков: 102]; ср. также в западнорусском документе 1496 г.: *орати на паренину два дни, а на яр орати два дни* [Рожков: 102]. Презенс *ѻрешь* следует понимать как имеющий значение будущего времени в описании устанавливаемого порядка. В приведенном выше контексте из № 31 такое же значение имеет форма *приходѧ* 'А крестьяне тебе, господин, и в дальнейшем будут ежегодно доставлять куницу'.

Последовательность [*ѿ*]*ре*[*i*] в конце 4-й строки допускает, как кажется, единственную интерпретацию — *ѿ* ⟨*т*⟩*реи* 'от трех', с одиночным *т* вместо двойного, ср. *ѡчинѣ* вм. *ѿчинѣ* № 699. Здесь могло читаться какое-то топографическое указание, например: *ѿ* ⟨*т*⟩*реи* [*ѧ*]|(*мъ на паре*)[*н*]*ину ѻрешь*. Трушковы (?) дети могли упоминаться как владельцы соседнего участка[15].

В целом, с предложенными конъектурами, грамота предстает как набор положений, регламентирующих проживание крестьянина на арендуемой земле. Она заставляет вспомнить начало грамоты № 359 (кон. XIV — нач. XV в., письмо от Парфения к игумену): *ѻсподине*, *како ѥсьмъ порѧдилесе*, *тако и живу*. Глагол *порядитися* выступает в начальных формулах не только уже упоминавшихся рядных грамот, но и крестьянских «порядных записей», известных с XVI в. Структура этих документов, как правило, включает: а) указание земельного участка, являющегося предметом «поряда», б) определение размера и сроков выплаты натурального или денежного оброка и в) условия использования участка. Те же компоненты видим и в нашем тексте: определение участка (такое-то место — 'все твое'), установление формы выплаты оброка ('серой куницей') и условия пользования землей (на таком-то участке пашешь пар).

В отличие от порядных записей XVI–XVII вв., оформленных от лица крестьянина (*порядился есмь*) или от лица землевладельца (*се порядися*), в грамоте условия «поряда» были сформулированы в форме письма к арендатору. В берестяной письменности сходную вариативность демонстрирует пара грамот 2 пол. XIV в. — № 406 и № 136. В обоих документах оговаривается размер оброка, выплачиваемого крестьянами землевладельцу, но если второй имеет вид акта (*се доконьцѧху Мысловѣ дѣтѣ*…), то первый содержит обращение к феодалу, которое должен донести до него крестьянский представитель [Гиппиус 2004: 198]. Модус обращения позволяет думать, что адресная формула грамоты содержала слово *приказъ*. Это дает и длину 1-й строки, отвечающую реконструкции последней строки.

В заключение приведем текст с конъектурами разной степени надежности:

> **(ѿ ст)єпана къ … | … [в]хо т[в](оє) …| …(к)уно(і с)ѣрої … | …ушковъıхъ дѣтєі оу]----[з]-[ѿ]рєі -|-- (на парє)[н]ину ѻрєшь**
> Перевод: 'От Степана к … … все твое… … серой куницей … … -ушковых детей … … пашешь пар'.

Лингвистический интерес, помимо уже упомянутой формы числительного *ѿ* ⟨*т*⟩*реи*, представляет окончание Тв. ед. ж. прилагательного (*с*)*ѣроі*. Это один из самых ранних примеров утраты конечного гласного в этой флексии.

---

[15] Указания таких ориентиров регулярно встречаются в деловых документах при описании границ земельных наделов, ср. *да от Глебовых детей земли Юрьева от Фоминские, от Шолоховские межи от вымла от Петровского лесу водоточью вверх по ямам к меже* [АФЗХ, 1: 35]; *от трех ям от стрелицы межею подле пашенные земли*… [Там же: 35].

№ 1134. Воздвиженский-7. Фрагмент письма с частью формулы.

… ѡлькcѣа къ бр(а)[т]…

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Перевод: '… от Олексея к брату …'. Ср.: *Поклонъ Синофонта ко брату моѥму Офоносу* 178 (4 четв. XIV в.). Теоретически на *бр-* могло начинаться и имя типа *Братята*, но для XIV в. это маловероятно.

№ 1135. Воздвиженский-7. Целый документ, надпись на берестяной бирке.

Илл. 4. Грамота № 1135

+ розметъ :~

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Надпись сделана изысканным книжным почерком. Яркая индивидуальная особенность: буквы *о* и *р* (похожее на греческое ρ) выполнены каждая одним движением, без отрыва пишущего инструмента. Так же, по-видимому, написаны и две следующие буквы (не считая засечек). Под стать почерку оформление границ текста: обычный для домонгольского времени крест в начале документа дополняют двоеточие и фигурный росчерк в конце.

Слово *розметъ*, производное от *розметати* 'разбросать', определяется в [Слов. XI–XVII, 21: 217] как 'раскладка податей, пошлин, повинностей среди тяглого населения выборными властями тяглой общины, а также сами платежи, распределяемые властями общины'. До сих пор самым ранним примером его употребления был контекст из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича Троицкому монастырю 1425 г.: *не надобе им никоторая моя дань, 〈…〉 ни розмет, ни помет, никоторая проторь* [Там же]. Комментируемый документ удревняет историю термина почти на три столетия. В данном случае слово обозначает, по-видимому, собранные платежи — скорее всего, в виде меховых шкурок, находившихся в мешке, к которому была привешена бирка. По содержанию надпись сходна с надписями на деревянных цилиндрических бирках, использовавшихся в XI — первой четверти XII в. в качестве замков на мешках с данью. Самая поздняя из таких бирок (№ 11) датируется второй четвертью — серединой XII в. Грамота относится ко времени, когда этот способ опечатывания меховых ценностей выходил или уже вышел из употребления. Из надписей на цилиндрических бирках с ней может быть сопоставлена № 11: *жеребиное* 〈*жеребиное*〉 'собранное по жеребьям (участкам)' [НГБ XI: 145]. Поскольку *жеребии* как название участка, надела связан с процедурой жеребьевки, обозначаемой сочетанием *метати жеребии* (ст.-сл. *жрѣбии*), *розметъ* и *жеребиное* оказываются если не синонимами, то, во всяком случае, семантически связанными терминами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АСВР — *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в*. Т. 1–3. М., 1952–1964.

АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* / Подг. Л. В. Черепнин. Ч. 1–3. М.: Изд. АН СССР, 1951–1961.

Былины — Былины: В 25 т. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. СПб.: Наука; М.: Классика, 2004.

ВК — Вопрошание Кириково. *Памятники древнерусского канонического права*. Ч. 1 (Памятники XI–XV в.) / [Ред. А. С. Павлов]. 2-е изд. СПб.: [Тип. М. А. Александрова], 1908. (Русская историческая библиотека; 6).

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Гончарова 2009 — Гончарова О. В. *Пушнина Западной Сибири: основы товароведения и рынок: учебное пособие.* Омск: Издатель ИП Погорелова, 2009.

Домострой — Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб., 2007.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. http://www.ruscorpora.ru.

НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией*. СПб.: Сенат. тип., 1859–1910, 1915. Т. I–VI; Указатель к первым шести томам.

НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Посольские книги — *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг.* / Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006.

ПСРЛ, 4 — *Полное собрание русских летописей*. Т. 4. Ч. 1. Изд. 2-е. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.

Рожков — Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906.

Рыков — Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // *Записки отдела рукописей*. Вып. 43. М.: Книга, 1982, 85–105.

Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.

Соколовы — *Сказки Белозерского края*. Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1981.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.

Столярова — Столярова Л. В. *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков*. М.: Наука, 2000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андреев 1986 — Андреев В. Ф. *Новгородский частный акт XII–XV вв*. Л.: Наука, 1986. [Andreyev V. F. *Novgorodskii chastnyi akt XII–XV vv.* [Novgorod private act of the 12th–15th centuries]. Leningrad: Nauka, 1986.]

Азарх 1980 — Азарх Ю. С. К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке. *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978*. Аванесов Р. И. (ред.). М.: Наука, 1980, 267–292. [Azarkh Yu. S. On the history of nouns with evaluative suffixes in Russian. *Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and studies*. *1978*. Avanesov R. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1980, 267–292.]

Бобрик 2018 — Бобрик М. А. Надпись на монете великого князя Василия Дмитриевича. Комментарий филолога. *Нумизматика и эпиграфика*. Вып. XX. *Сборник научных трудов памяти Н. А. Фроловой и Г. А. Кошеленко*. Гайдуков П. Г., Смирнова Н. М. (отв. ред.). М.: Памятники исторической мысли, 2018, 197–199. [Bobrik M. A. Inscription on the coin of Grand Duke Vasily Dmitrievich. Philologist’s comment. *Numizmatika i epigrafika.* No. 20. In memoriam N. A. Frolova and G. A. Koshelenko. Gaidukov P. G., Smirnova N. M. (eds.). Moscow: Pamyatniki Istoricheskoi Mysli, 2018, 197–199.]

Гиппиус 2004 — Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.).* Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. М.: Русские словари, 2004, 183–232. [Gippius A. A. On pragmatics and communicative

organization of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Moscow: Russkie Slovari, 2004, 183–232.]

Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода. *Российский рубль. 700 лет истории*. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород: [б. и.], 2017, 25–36. [Gippius A. A. Birchbark document 1072 and monetary systems of medieval Novgorod. *Rossiiskii rubl': 700 let istorii*. Proc. of the International Numismatic Conf. Veliky Novgorod, 2017, 25–36.]

Гиппиус 2018 — Гиппиус А. А. «Игра в слова» по правилам Древнего Новгорода. *Нескончаемое лето: Сборник в честь Елены Александровны Рыбиной*. Сингх В. К., Покровская Л. В., Тянина Е. А. (ред.). М.; Великий Новгород: [б. и.], 2018, 33–36. [Gippius A. A. "Word game" according to the rules of Old Novgorod. *Neskonchaemoe leto*: Collection in honor of Elena Alexandrovna Rybina. Singkh V. K., Pokrovskaya L. V., Tyanina E. A. (eds.). Moscow; Veliky Novgorod, 2018, 33–36.]

Гиппиус 2019 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 47–71. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2018. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 47–71.]

ДНД — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]

Дубровин и др. (в печати) — Дубровин Г. Е., Вяземский А. В., Денисевич К. М. Комментарии к берестяной грамоте № 1122/1123 с раскопа Дмитриевский III в Новгороде (в печати). [Dubrovin G. E., Vyazemskii A. V., Denisevich K. M. Comments to birchbark letter No. 1122/1123 from the Dmitrievsky 3 excavation in Veliky Novgorod (in print).]

Лебединская 2013 — Лебединская В. Г. Системные отношения в истории новгородской метрологической лексики (по данным письменных памятников XI–XVII вв.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка, семиотика, семантика*, 2013, 1: 39–44. [Lebedinskaya V. G. Systemic relations in the history of Novgorod metrological vocabulary (according to the written monuments of the 11th–17th centuries). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2013, 1: 39–44.]

Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*. М.: Индрик, 2006. [Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of names among the Russian princes in the 10th–16th centuries. Dynastic history in the anthroponymic perspective]. Moscow: Indrik, 2006.]

Лифшиц 1995 — Лифшиц А. Л. К вопросу о центрах книгописания Древней Руси: Рукописи начала XV в. из Переславля Залесского. *Архив русской истории.* Вып. 6. 1995, 191–195. [Lifshits A. L. On centers of book writing in Ancient Rus: Manuscripts of the early 15th century from Pereslavl Zalessky. *Archive of Russian history*. No. 6, 1995, 191–195.]

НГБ VIII — Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.).* М.: Наука, 1986. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow: Nauka, 1986.]

НГБ XI — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.).* М.: Русские словари, 2004. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1997–2000)]. Moscow: Russkie Slovari, 2004.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

Петров 2015 — Петров Д. А. Упоминания о рыбе и блюдах из рыбы в новгородских берестяных грамотах. *Fontes Slavia Orthodoxa. II. Православная культура вчера и сегодня*. Потехина Е., Кравецкий А. (ред.). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2015, 59–88. [Petrov D. A. Mentions of fish and fish dishes in Novgorod birchbark letters. *Fontes Slavia Orthodoxa. II. Pravoslavnaya kul'tura vchera i segodnya.* Potekhina E., Kravetskii A. (eds.). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2015, 59–88.]

Петров 2018 — Петров Д. А. Упоминание о мясе и мясо-молочных продуктах в берестяных грамотах (ч. 2). *Fontes Slaviae Orthodoxae*, 2018(2): 11–34. [Petrov D. A. Mentions of meat, cheese and butter in Old Russian birchbark letters (part 2). *Fontes Slaviae Orthodoxae*, 2018(2): 11–34.]

Петрухин 2017 — Петрухин П. В. К прочтению новгородской берестяной грамоты № 490. *Славяноведение*, 2017, 4: 89–92. [Petrukhin P. V. On the reading of the Novgorod birchbark letter No. 490. *Slavic Studies*, 2017, 4: 89–92.]

Птенцова 2000 — Птенцова А. В. Семантика и функции служебного слова *ци* (*чи*) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и современных диалектах. *Вопросы русского языкознания.* Вып. VIII. Ремнева М. Л., Клобуков Е. В. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 2000. [Ptentsova A. V. Semantics and functions of the function word *ci* (*či*) in the language of Old Russian monuments (11th–14th centuries) and modern dialects. *Voprosy russkogo yazykoznaniya*. Vol. VIII. Remneva M. L., Klobukov E. V. (eds.). Moscow: Moscow State Univ. Press, 2000.]

Рождественская 1992 — Рождественская Т. В. *Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. [Rozhdestvenskaya T. V. *Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: Novye istochniki XI–XV vv.* [Old Russian inscriptions on church walls: New sources from the 11th–15th centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1992.]

Соболевский 2006 — Соболевский А. И. *Труды по истории русского языка*. Т. 2: *Статьи и рецензии.* Крысько В. Б. (Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ.). М.: Языки славянских культур, 2006. [Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Works on the history of Russian]. Vol. 2: *Stat'i i retsenzii* [Articles and reviews]. Krysko V. B. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]

Темушев 2015 — Темушев С. Н. *Налоги и дань в Древней Руси*. Минск: Изд-во БГУ, 2015. [Temushev S. N. *Nalogi i dan' v Drevnei Rusi* [Taxes and tribute in Ancient Rus]. Minsk: Belarus State Univ. Press, 2015.]

Турилов 2009 — Турилов А. А. Зиновий. *Православная энциклопедия*. Т. 20. М.: Православная энциклопедия, 2009, 156–157. [Turilov A. A. Zinovy. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 20. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2009, 156–157.]

Получено / received 27.04.2021 *Принято / accepted 18.05.2021*